

Научная статья

УДК 811.511.14

DOI 10.17223/18137083/79/15

Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка

Никита Алексеевич Муравьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

nmuravev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9586-5928>

Аннотация

На материале казымского диалекта хантыйского языка рассматривается пассивный залог от глаголов направленного движения. Целью статьи является объяснение свойств, лежащих в основе механизма пассивизации при глаголах движения. Пассивная конструкция с глаголами движения ограничена событиями, описывающими достижение конечной точки. Повышаемый при пассивизации участник является одушевленным посессором конечной точки, затронутым движением. Субъект движения как понижаемый участник смещается из позиции подлежащего, но при этом обязательно выражается в структуре предложения, обозначая неопределенный или нереферентный источник воздействия. Типологически хантыйский пассив от глаголов движения близок к адверсативным пассивам, но при этом более ограничен лексически и менее грамматикализован.

Ключевые слова

пассивный залог, глаголы движения, посессор, адверсативность, финно-угорские языки, хантыйский язык

Благодарности

Исследование поддержано грантом РНФ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири»

Для цитирования

Муравьев Н. А. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 201–219. DOI 10.17223/18137083/79/15

Adversative passive from motion verbs in Kazym Khanty

Nikita A. Muravyev

National Research University “Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation

nmuravev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9586-5928>

Abstract

Passive voice in Northern Khanty is a productive inflectional verbal category which marks rearrangement in communicative roles of core event participants. A special feature of Khanty

© Муравьев Н. А., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 201–219

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 201–219

passive is its compatibility not only with transitive but also with intransitive verbs and, in particular, with verbs of motion. This study examines the passive voice construction with intransitive motion verbs in the Kazym dialect of Northern Khanty, with the data source being a survey of the speakers living in Kazym village, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Russian Federation (2019/2020). The aim was to describe the mechanism of motion passivization and to explain the properties underlying the motion and its participants compared with the standard passive construction. It has been revealed that the passive construction of motion verbs is compatible only with goal-oriented motion verbs, i.e. verbs with the meaning of ‘arrival’, ‘coming in’, ‘coming out’ and ‘falling’ and not with other path verbs denoting ‘going’, ‘coming down’ or manner verbs meaning ‘flying’, ‘running’. Syntactically, this construction promotes the goal participant to subject position. Semantically, it raises the animate possessor of the goal which is affected by the motion event and demotes the subject of motion, which is an overtly expressed indefinite or non-referential entity and the source of the effect produced on the possessor of the goal. Typologically Khanty motion passive is similar to adversative passive constructions in Even and Japanese. However, it is less grammaticalized and more lexically restricted and, thus, might be regarded as an intermediate stage of development of such categories.

Keywords

passive voice, motion verbs, possessor, adversative, Finno-Ugric languages, Khanty

Acknowledgements

The research was conducted under the project supported by Russian Science Foundation, grant no. 18-78-10128 “Argument structure, voice and valence change in the languages of Western Siberia”

For citation

Muravyev N. A. Adversative passive from motion verbs in Kazym Khanty. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 201–219. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/15

Введение

Пассивный залог в обско-угорских языках – продуктивная словоизменительная категория глагола, которая используется для выделения основного дискурсивного топика, если основной топик не совпадает с грамматическим подлежащим. Свойства обско-угорского пассива рассматриваются в общем обзоре [Kulonen, 1989], а также в целом ряде работ по западным [Черемисина, Соловар, 1991; Кошкарева, 2002; Мырина, 2005] и восточным [Filchenko, 2005; 2012] диалектам хантыйского языка и мансийскому языку [Virtanen, 2015]. Помимо стандартного, типологически распространенного переходного пассива, при котором исходный прямой объект (пациенс) продвигается в позицию подлежащего, а исходный субъект (агенс) смещается в позицию косвенного дополнения, в хантыйских и мансийских идиомах фиксируется пассивная конструкция с глаголами, не имеющими переходных употреблений, ср. [Kulonen, 1989, p. 20–29; Соловар, 2010, с. 91–92]. В данной статье мы рассмотрим частный случай такой конструкции – пассив от глаголов направленного движения, который, насколько нам известно, отдельно не рассматривался в работах по пассивному залогу в хантыйском, за исключением одного из разделов в работе [Kulonen, 1989]. Нетривиальная особенность пассива движения состоит в том, что в позицию подлежащего может продвигаться посессор конечной точки движения, который изначально не входит в набор обязательных для ситуации движения участников, но имеет определенный прагматический вес в текущем дискурсе как обладатель Маша в примерах (1, 2) при обладаемом, не названном в данном случае месте жительства. Кроме того, как и в других случаях пассива от непереходных глаголов, смещаемый

на периферию исходный субъект движения обладает пониженными референциальными свойствами, а именно не может быть референтным определенным.

- (1) *aj iki maša-j-en χōši jōχt-əs*
мальчик Маша-EP-POSS.2SG к прийти-PST[3SG]
'Мальчик пришел к Маше.'
- (2) *maša-j-en aj iki-j-ən jōχət-s-a*
Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'К Маше мальчик пришел.'

Цель статьи – описать механизм пассивизации глаголов движения и предложить объяснение свойствам, лежащим в его основе и отличающим его от стандартного пассива.

Исследование проведено на материале опроса жителей с. Казым Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2019, 2020 гг.). В опросе участвовало 18 носителей в возрасте от 42 до 75 лет, свободно владеющих родным языком. Используемые в статье языковые примеры приведены в финно-угорской транскрипции [Honti, 1986; Кошкарева, Соловар, 2007] с поморфемным членением. В цитируемых примерах сохраняется авторский вариант транскрипции, глоссирование при необходимости добавлено или унифицировано. Все приведенные примеры, включая цитированные из других источников, относятся к казымскому диалекту.

1. Пассив в казымском хантыйском

Морфология пассивной формы в казымском диалекте севернохантыйского языка описана в монографии А. Д. Каксина [2010]. Пассив имеет показатель *-a(j)- / -i(j)-*, который располагается после показателя времени и перед показателем лично-числового согласования. Алломорф с конечным йотом используется, если далее следует лично-числовой показатель, тогда как алломорф без йота фиксируется в форме 3-го л. ед. ч. с нулевым показателем. Алломорф *-a(j)-* выбирается при глаголах с основой на согласный, *-i(j)-* – с основами на гласный [Там же, с. 112–114].

Пассив функционирует в системе залогово-согласовательных форм, которая также включает в себя формы субъектного и субъектно-объектного спряжений. Вместе с этими формами, а также падежным кодированием участников пассив составляет «коммуникативную парадигму» предложения (ср. [Кошкарева, 2002]), отражающую разное распределение коммуникативных ролей между участниками в высказывании. Так, при непереходных предикатах используются формы субъектного спряжения, тогда как при переходных возможны обе формы в зависимости от топикальности участников и постановки фокуса. Примеры переходного глагола в субъектном (3) и субъектно-объектном (4) спряжении приведены ниже.

- (3) *maša-j-en amp λāpt-əs*
Маша-EP-POSS.2SG собака кормить-PST[3SG]
'Маша накормила собаку.'
- (4) *aŋke-λ maša-j-əl λāpət-s-əλλe*
мать-POSS.3SG Маша-EP-POSS.3SG кормить-PST-3SG.SG
'Мама накормила Машу.'

Субъект, уступающий в топикальности другому участнику, смещается из позиции подлежащего на периферию, а топикальный участник продвигается на его место посредством пассивизации. Часто повышаемым в грамматическом статусе участником оказывается исходный прямой объект с ролью пациенса или темы, как в (5).

- (5) *maša-j-en* (*aŋke-λ-ən*) *läpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мать-POSS.3SG-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Маша была накормлена мамой.’

Помимо пациенса продвигаться в позицию подлежащего могут различные участники, исходно занимающие позицию косвенного дополнения, ср. реципиент (6), бенефициант (7), а также место (8).

- (6) *wey-jəx-λ-aλ-ən* *mört-a* *mɔjlə-s-ij-ət*
 зять-люди-PL-POSS.3SG-LOC мера-LAT дарить-PST-PASS-3PL
 ‘Они были щедро одарены семьей зятя.’ [Kulonen, 1989, p. 229] ¹
- (7) *taw-əŋ* *pāsan-ən*, *soř-əŋ* *pāsan-ən* *wer-s-aj-ət*
 мед-ADJ стол-LOC пиво-ADJ стол-LOC делать-PST-PASS-3PL
 ‘Стол с медом и пивом был накрыт для них.’ [Ibid., p. 220]
- (8) *moŋ* *šiw-ən* *ɔməs-λ-a*
 земля туман-LOC сесть-NPST-PASS[3SG]
 ‘Погода туманная.’ [Ibid., p. 185]

Хантыйский пассив не ограничивается синтаксически переходными или лабильными глаголами (ср. *ɔməsti* ‘сидеть, стоять, ставить’ в примере (6)) и возможен от целого ряда непереходных предикатов, у многих из которых формы активного залога отсутствуют, ср. [Соловар 2010, с. 91–92]. Так, пассив образуется от одноместных глаголов *pätläti* ‘стемнеть’ (9), имеющего параллельную форму субъектного спряжения (ср. безличные контексты: *на улице стемнело*), и *märemäti* ‘соскучиться’ (10), не имеющего таковой.

- (9) *läw* *šäta* *pätlä-s-i*
 она там стемнеть-PST-PASS[3SG]
 ‘Ее там темнота застала.’ [Соловар 2010, с. 92]
- (10) *apälne-ŋ-en* *märemä-s-i*
 младшая сестра-EP-POSS.2SG соскучиться-PST-PASS[3SG]
 ‘Сестра твоя соскучилась.’ [Там же, с. 92]

Вторая группа непереходных глаголов – двух- и более местные глаголы, при которых один из участников представляет собой лицо или предмет, а другой – внешнее физическое или абстрактное явление, воздействующее на первого участника, ср. ветер в (11), воздействующий на шкуру, и зуб в (12), вырастающий у сына. Участник, испытывающий на себе это воздействие, выступает в позиции подлежащего, воздействующая сила при наличии выражается косвенным дополнением в локативе.

¹ Здесь и далее англоязычные переводы в иностранных источниках даны в русском варианте, перевод на русский язык мой. – *Н. М.*

- (11) *n̄iki s̄õx-em t̄owi w̄ot-ən w̄otl̄ə-λ-i*
 кожа шкура-POSS.1SG весна ветер-LOC обветрить-PST-PASS[3SG]
 ‘Шкура весенним ветром обветрена.’ [Соловар, 2010, с. 94]
- (12) *p̄õx-em p̄eŋk-ən ši et-s-a*
 сын-POSS.1SG зуб-LOC ведь появиться-PST-PASS[3SG]
 ‘У сына появился зуб.’ [Там же, с. 93]

К этой же группе относится и пассив от глаголов направленного движения. В статье В. Н. Соловар эти глаголы упоминаются только в переносных контекстах, в которых субъект пассивной конструкции претерпевает изменение состояния под воздействием «посетившей» его внешней силы [Там же, с. 91], ср. вхождение в состояние икоты в (13).

- (13) *ma n̄ákəš-ən j̄õxət-s-aj-əm*
 я икота-LOC прийти-PST-PASS-1SG
 ‘У меня икота началась.’ [Там же, с. 93]

Такое же употребление фиксируется в [Kulonen, 1989, p. 172–181]. Однако в предыдущем разделе этой работы [Ibid., p. 158–172] приводятся примеры прямого употребления глаголов движения, как в (14), где в позиции косвенного дополнения оказывается участник, представляющий собой не абстрактную силу, а физическую группу одушевленных лиц, войско.

- (14) *s̄ot x̄qj-əp λal'-ən ki j̄õxət-λ-aj-əw*
 сто человек-ADJ войско-LOC если прийти-PST-PASS-1PL
 ‘Если на нас нападет войско в сто человек.’ [Ibid., p. 165]

Пример (14) интересен в двух отношениях. Во-первых, субъект движения ‘войско’, выраженный локативной именной группой, более агентивен, чем икота в (13). Во-вторых, сам глагол движения *j̄õxətti* в прямом употреблении не передает непосредственно какого-либо изменения состояния и лишь опосредованно описывает какое-то воздействие на субъект пассивной конструкции, так как конечной точкой движения является не сам субъект, а территория, на которой он находится. Отчасти в качестве глагола движения может рассматриваться и глагол *etti* ‘появиться’ (см. пример (12)), подразумевающий также движение наружу. Хотя в обсуждаемых источниках этот глагол не фигурирует, по нашим данным, он допускает пассивизацию в значении движения, как в (15), поэтому будет включен в дальнейшее рассмотрение.

- (15) *ma p̄yri-j-ən ješal̄t et-s-aj-əm*
 я медведь-EP-LOC навстречу выйти-PST-PASS-1SG
 ‘Ко мне медведь навстречу вышел.’

Пассивные формы глаголов движения, описывающие действие определенного лица, в естественных текстах встречаются крайне редко. Одним из немногочисленных примеров является (16). Поэтому далее мы ограничимся примерами, полученными в ходе полевой работы.

- (16) *w̄ont õt-ən j̄õxət-s-aj-əm pa kim*
 лес вещь-LOC прийти-PST-PASS-1SG и наружу
et-mə-s-əm pa ši x̄q̄xəl̄-mə-s-əm j̄qr-əm
 выйти-PNCT-PST-1SG и ведь бежать-PNCT-PST-1SG сила-1SG

tǎrm-əm *kem-ən*
 хватать-PFV.ПТСР возможность-LOC
 ‘Лесное существо ко мне пришло, я на улицу выскочила и побежала быстро, насколько сил хватило.’ [Корпус²: «Женщина с детьми, оставленная», № 76]

Как можно видеть из данного обзора, хантыйский пассивный залог от переходных глаголов в общих чертах вписывается в типологически распространенную модель пассивной диатезы с продвижением пациенса в позицию подлежащего и смещением агенса в позицию косвенного дополнения. Нетривиальным эту глагольную форму делает широкая сочетаемость с непереходными глаголами и, в частности, с глаголами движения, которым будет посвящено дальнейшее изложение.

2. Пассивная конструкция с глаголами направленного движения

Глаголы движения представляют собой довольно большую и разнообразную группу лексем, многие из которых довольно частотны. При этом они имеют принципиально иной набор семантических ролей по сравнению с прототипическими глаголами деятельности (*читать, рисовать, готовить*) или, к примеру, физического воздействия (*ударить, высушить, сломать*), ср. подробный обзор аргументной структуры глаголов движения в [Талму, 1985]. Наиболее значимы для события движения четыре семантических роли: траектор, или субъект движения, исходная точка, путь и конечная точка – все они представлены в примерах ниже. Так, во всех трех контекстах с (17) по (19) траектор является номинативным подлежащим. Кроме того, в (17) мы видим именную группу, выражающую начальную точку ‘дом’, маркированную послелогом *ewəłt* ‘из’, в (18) – путь ‘дорога’ с послелогом *χ̣iwat* ‘вдоль’, в (19) – конечная точка ‘дом’ в дательном падеже.

- (17) *χət ewəłt χ̣jət-ət et-s-ət*
 дом из кто.INDEF-PL появиться-PST-3PL
 ‘Какие-то люди вышли из дома.’
- (18) *jɔš χ̣iwat šqš-man maša-j-en arij-əs*
 дорога вдоль шагать-CVB Маша-EP-POSS.2SG петь-PST[3SG]
 ‘Шагая по дороге, Маша пела.’
- (19) *aj iki maša-j-en χət-a j̄ɔχt-əs*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG дом-DAT прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше домой.’

Единственный контекст из перечисленных выше, допускающий пассивизацию, – пример (19) с выраженной конечной точкой. В его пассивном аналоге (20) конечная точка ‘Машин дом’ продвигается в позицию подлежащего, в то время как исходный субъект ‘мальчик’, как и при стандартном пассиве, смещается на периферию и маркируется локативом.

² Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42 174 словоупотребления разработан Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.).

- (20) *maša-j-en* *χət* *χōjat-ən* *jōχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG дом какой.INDEF прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше домой кто-то пришел.’

Попытки пассивизации глаголов с выраженной начальной точкой (21) или маршрутом (22) ведут к неграмматичности.

- (21) **maša-j-en* *χət* *mōlsər* *χānneχōjat-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG дом какой.INDEF человек-LOC
εt-s-a
 появиться-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘Из Машиного дома какой-то человек вышел.’
- (22) **tām* *jρš-en* *χōjat-ən* *šρš-s-a*
 этот дорога-POSS.2SG кто.INDEF-LOC шагать-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘По этой дороге кто-то ходил.’

То, что глагол *jōχətti* ‘прийти’, как и другие глаголы, которые мы будем рассматривать далее, является непереходным и что участник с ролью конечной точки не занимает исходно позицию прямого дополнения, явным образом подтверждается невозможностью активного переходного употребления в субъектном и субъектно-объектном спряжениях (23).

- (23) **aj iki* *maša-j-en* *χət* *jōχət-əs /*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG дом прийти-PST[3SG] /
jōχət-s-əλλε
 прийти-PST.3SG.SG
 Ожид.: ‘Мальчик посетил Машин дом.’

Более того, как выясняется, продвигаться в позицию подлежащего может не любая конечная точка. Так, например, повышение простого неоформленного имени типа ‘дом’ в (24) без каких-либо зависимых невозможно. Ситуацию исправляет только наличие в именной группе конечной точки выраженного определенного посессора, как в (25). Тем самым значимым для пассивизации события движения является не сама конечная точка или конечное пространство, а факт принадлежности данного конечного пространства определенному лицу.

- (24) **χət* *aj iki-j-ən* *jōχət-s-a*
 дом мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В дом мальчик пришел.’
- (25) *χət-ew* *aj iki-j-ən* *jōχət-s-a*
 дом-POSS.1PL мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В наш дом мальчик пришел.’

Эта особенность пассива от глаголов движения в сочетании с фактом их непереходности ставит нас перед необходимостью подробного анализа события движения и ее участников. Полноценное понимание механизма пассивного преобразования в этих контекстах предполагает развернутый ответ на следующие два вопроса: **1) Каковы свойства события и его участников при пассиве движения? 2) Чем мотивированы эти свойства?** Первый вопрос будет рассмотрен нами на имеющемся хантыйском материале в разделах 2.1–2.3, включая свойства события движения, свойства конечной точки и ее посессора и свойства трактора.

Второй вопрос подразумевает осмысление и объяснение эмпирических фактов и поиск типологических параллелей, чему будет посвящен раздел 3.

2.1. Свойства события движения

Рассмотрим, как устроено с точки зрения семантики событие движения и какие компоненты значения должны присутствовать в глагольной лексеме, чтобы пассивизация была возможна. Поскольку, как было сказано выше, для пассивной конструкции от глаголов направленного движения важно наличие у глагола участника с ролью конечной точки, выглядит закономерным, что такая конструкция возможна только от **глаголов пути**, таких как *идти*, *пойти*, *прийти*, *войти* или *выйти*, описывающих прежде всего траекторию движения [Talmy, 1972; 1985]. В примерах ниже можно видеть пассив с продвижением конечной точки от глаголов *лõҗти* ‘войти’ (26), *etti* ‘выйти’ (27) и *pitti* ‘упасть’ (28).

- (26) *maša-j-en* *χот-эл* *χõҗат-ән*
 Маша-EP-POSS.2SG дом-POSS.3SG кто.INDEF-LOC
лõҗ-с-а
 войти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше в дом кто-то заходил.’
- (27) *ta* *põpi-j-en* *ješalт* *et-s-aj-ән*
 я медведь-EP-LOC навстречу выйти-PST-PASS-1SG
 ‘Мне медведь повстречался.’
- (28) *pet'a-j-en* *nõw* *põl-ән* *елти* *pit-s-a*
 Петя-EP-POSS.2SG ветка кусок-LOC сверху падать-PST-PASS-3SG
 ‘Пете ветка на голову упала.’

В свою очередь, **глаголы способа движения**, выделяющие компонент характера пространственного перемещения, такие как *бежать*, *лететь*, *плыть* или *ползти*, пассивных форм не имеют.

- (29) **maša-j-en* *χõҗат-ән* *χорхэл-с-а / wõs-s-a /*
 Маша-EP-POSS.2SG кто.INDEF-LOC бежать / плыть /
põrlә-s-i
 лететь-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше кто-то бежал / плыл / летел.’

Однако в пассивной конструкции допускаются далеко не любые глаголы пути. Так, например, нейтральный глагол движения *mãnti* ‘идти’ (англ. generalized motion verb [Rakhilina, 2004]), который описывает движение как живых существ, так и неодушевленных объектов, имеет валентность на конечную точку, но в пассивной конструкции в (30) оказывается неграмматичен. То же касается и глагола *wõxәлти* ‘спускаться’ (31), специфицирующего направление движения.

- (30) **maša-j-en* *χõҗат-ән* *mãn-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG кто.INDEF-LOC идти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше кто-то шел.’
- (31) **maša-j-en* *χõҗат-ән* *wõxәл-с-а*
 Маша-EP-POSS.2SG кто.INDEF-LOC спускаться-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше кто-то спускался.’

Невозможен пассив и от глагола движения *jäŋχti* ‘ходить’, который, как и в русском, может описывать движение до конечной точки с возвращением в исходную (ходить в магазин).

- (32) **tõm* *χõt-en* *χõjat-ən* *jäŋχ-s-a*
 тот дом-POSS.2SG кто.INDEF-LOC ходить-PST-PASS[3SG]
 ‘В тот дом кто-то ходил.’

Исходя из этого, ключевым для пассивной конструкции можно считать не наличие валентности на конечную точку, а семантический компонент достижения этой точки. Несколько выбивается из общего ряда глагол *jiti* ‘идти по направлению к говорящему’. Он используется только в контексте настоящего времени (33), где, по-видимому, момент достижения настолько близок, что говорящий уверен, что цель будет достигнута. В прошедшем же времени в (34) вместо него используется глагол *jõχatti* ‘прийти’.

- (33) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *ji-λ-i*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC идти-NPST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик идет.’

- (34) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *jõχõt-s-a / *ji-s-i*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти / идти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше пришел мальчик (*шел).’

Таким образом, из всех глаголов направленного движения пассивный залог возможен только от глаголов пути с валентностью на конечную точку и обязательным семантическим компонентом достижения этой точки.

2.2. Свойства конечной точки и ее посессора

В качестве продвигаемого в позицию подлежащего участника при пассивизации глаголов направленного движения мы до этого момента рассматривали конечную точку движения. В то же время, как мы уже отмечали, повышение конечной точки возможно лишь в том случае, если у нее имеется поверхностно выраженный определенный посессор. Рассмотрим подробнее роль обоих участников в залоговом преобразовании. Итак, в активной диатезе посессор при конечной точке может быть выражен при помощи лично-числового посессивного суффикса, как *-ew* в (35), при помощи полной именной группы, ср. *maša-j-en* в (36).

- (35) *χõjat* *wõnt-ew-a* *jõχõt-əs*
 кто.INDEF лес-POSS.1PL-DAT прийти-PST[3SG]
 ‘В наш лес кто-то пришел.’

- (36) *aj iki* *maša-j-en* *χõt-a* *jõχõt-əs*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG дом-DAT прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел в Машин дом.’

В обоих случаях пассивизация свободно допускается носителями, ср. (37) и (38) ниже.

- (37) *wõnt-ew* *χõjat-ən* *jõχõt-s-a*
 лес-POSS.1PL кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В наш лес кто-то пришел.’

- (38) *maša-j-en* *χət* *aj iki-j-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG дом мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше домой мальчик пришел.’

Если же посессор при субъекте пассивной конструкции отсутствует, предложение теряет грамматичность.

- (39) **wənt* *χǒjat-ən* *jǒχət-s-a*
 лес кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид. ‘В лес кто-то пришел.’

- (40) **χət* *aj iki-j-ən* *jǒχət-s-a*
 дом мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘В дом мальчик пришел.’

Однако, как показывает пример (41), пассивизация допустима и в том случае, если продвигаемый в позицию подлежащего участник оформлен не семантически, а дискурсивным показателем посессивности, указывающим на определенность обозначаемого именной группой референта [Михайлов, 2018].

- (41) *təm* *wənt-en* *χǒjat-ən* *jǒχət-s-a*
 этот лес-POSS.2SG кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В этот лес кто-то пришел.’

С учетом этой функции посессивных показателей контекст (41) выглядит как предложение с именной группой без посессора в позиции подлежащего. Тем не менее здесь из суждений носителей явным образом следует, что реальный посессор (мы) подразумевается прагматически, иначе высказывание теряет релевантность.

Кроме того, пассивизация возможна в контекстах с имплицитной конечной точкой, если эта конечная точка является личным пространством некоторого определенного участника (ср. [Daniel, 2003] о лично-локативных конструкциях). В активной диатезе (42) посессор имплицитной конечной точки кодируется послелогом *χǒši* ‘у, к’, ср. неграмматичность датива, маркирующего саму конечную точку. При пассивизации посессор, как можно видеть в (43), напрямую продвигается в позицию подлежащего, в то время как сама конечная точка не упоминается.

- (42) *aj iki* *maša-j-en* *χǒši* **maša-j-en-a*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG к Маша-EP-POSS.2SG-DAT
jǒχət-əs
 прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше.’

- (43) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик пришел.’

Причина столь важной роли посессора конечной точки в пассивном преобразовании глаголов движения, по-видимому, кроется в том, что даже в контекстах физического движения форма пассивного залога подчеркивает воздействие описываемого глаголом события на некоторого участника, а участником, испытывающим на себе воздействие движения, в итоге является именно посессор, а не сама конечная точка. Это можно проиллюстрировать разницей интерпретаций в примерах ниже. Так, событие посещения кем-то Машиного дома в активном

залоге, как в (44), прагматически нейтрально, тогда как при пассивизации в (45) то же событие без специального контекста воспринимается как незаконное вторжение, несущее негативные последствия для хозяйки дома.

- (44) *maša-j-en* *χət-a* *mōłsər* *χanneχōjat-ət*
 Маша-EP-POSS.2SG дом-DAT какой.INDEF человек-PL
λōη-s-ət
 входить-PST-3PL
 ‘К Маше домой какие-то люди заходили.’
 {^{OK}Маша была дома / ^{OK}Маши не было дома}

- (45) *maša-j-en* *χət* *mōłsər* *χanneχōjat-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG дом какой.INDEF человек-LOC
λōη-s-a
 входить-PST-PASS[3SG]
 ‘В Машин дом какие-то люди заходили.’
 {^{OK}Маши не было дома / [?]Маша была дома}

К этому можно добавить, что посессор конечной точки не просто одушевленный, это обязательно человек, чье ментальное состояние претерпевает изменение посредством описываемого события. Животное в позиции подлежащего такой конструкции возможно лишь маргинально в фольклорных контекстах, где животные выступают в роли основных действующих лиц, наделенных разумом.

- (46) [?]*wōχsar-en* *oηχ-əl* *aj wōj-ən* *jōχət-s-a*
 лиса-POSS.2SG нора-POSS.3SG мышка-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘В лисью нору прибежала мышка.’

Таким образом, хотя формально при пассивизации глаголов движения в позицию подлежащего продвигается именная группа конечной точки движения, с точки зрения семантики повышаемым в статусе участником является всё же посессор при конечной точке. Этот участник обязательно определенный и одушевленный и всегда поверхностно выражен, кроме случаев, в которых он имплицитно подразумевается. Повышение в статусе посессора может отражаться и формально, так происходит в контекстах, где конечная точка – имплицитное личное пространство.

2.3. Свойства траектора

Понижаемым участником при пассиве движения является субъект движения, или траектор. Как и при стандартном пассиве, исходный субъект смещается из позиции подлежащего в периферийную позицию косвенного дополнения, получая локативное маркирование, ср. примеры (47) и (48), повторенные ниже.

- (47) *aj iki* *masa-j-en* *χōśi* *jōχət-əs*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG к прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше.’

- (48) *masa-j-en* *aj ikij-ən* *jōχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик пришел.’

Однако в сравнении со стандартным пассивом пассивная конструкция с глаголами движения обнаруживает два принципиальных отличия. Во-первых, смещенный траектор (49), в отличие от простого переходного субъекта (50), не может быть опущен.

- (49) **maša-j-en* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше пришли.’
- (50) *maša-j-en* *lǎpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Машу накормили.’

Во-вторых, траектор движения при пассиве может быть только неопределенным (51), в то время как наличие посессивного оформления в (52), указывающего на определенность, приводит к неграмматичности.

- (51) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘К Маше мальчик пришел.’
- (52) **maša-j-en* *aj ik-en-ən* *jǒχət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-POSS.2SG-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
 Ожид.: ‘К Маше мальчик (опр.) пришел.’

Для сравнения референциальный статус субъекта переходного глагола в пассивной конструкции ничем не ограничен, ср. неоформленная именная группа в (53) и посессивное оформление в (54).

- (53) *maša-j-en* *aj iki-j-ən* *lǎpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-EP-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Машу мальчик накормил.’
- (54) *maša-j-en* *aj ik-en-ən* *lǎpət-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG мальчик-POSS.2SG-LOC кормить-PST-PASS[3SG]
 ‘Машу мальчик (опр.) накормил.’

Всё то же самое проявляется и в метафорических контекстах, как в (55), где субъект пассивной конструкции претерпевает изменение состояния, в данном случае эмоционального, под воздействием абстрактной внешней силы (здесь – смеха), который в этой функции всегда выражен, но не может мыслиться как определенный.

- (55) *maša-j-en* *ńǎχ-ən / *ńǎχ-əl-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG смех-LOC / смех-POSS.3SG-LOC
jǒχət-s-a
 прийти-PST-PASS[3SG]
 ‘Маше стало смешно.’ (букв.: к Маше смех пришел).

Такое сходство поведения пассива в прямых и переносных контекстах, на наш взгляд, неслучайно и говорит о переосмыслении семантики глагола движения при пассивизации. Происходит смещение фокуса с физического движения на эффект, производимый движением на одушевленное лицо. С одной стороны, важен источник такого воздействия, поэтому его нельзя опустить, однако этот источник

не является определенным лицом, появление которого было бы хоть в какой-то мере предсказуемым.

3. Итоги анализа и типологические параллели

Итак, сравним преобразование аргументной структуры при стандартной пассивизации переходных глаголов и при пассивизации глаголов направленного движения. В табл. 1 суммированы основные сведения о маркировании участников при стандартном изменении диатезы с активной на пассивную. Исходные прямой и косвенный объекты одинаково продвигаются в синтаксическом отношении в позицию подлежащего, в то время как исходный агенс смещается на периферию, получая локативное оформление.

Таблица 1

Маркирование участников при активном и пассивном залоге

Table 1

Participant coding in active and passive

Участник	Активный залог		Пассивный залог	
	позиция	маркирование	позиция	маркирование
Агенс	Подлежащее	NOM	Косвенное дополнение	(LOC)
Пациенс	Прямое дополнение	ACC	Подлежащее	NOM
Другие роли	Косвенное дополнение	DAT, LOC, послелог	Подлежащее	NOM

Преобразования участников при пассиве от глаголов направленного движения обобщены в табл. 2.

Таблица 2

Маркирование участников при активе и пассиве глаголов движения

Table 2

Participant coding in active and passive of motion verbs

Участник	Активный залог		Пассивный залог	
	позиция	маркирование	позиция	маркирование
Траектор	Подлежащее	NOM	Косвенное дополнение	LOC
Конечная точка	Косвенное дополнение	DAT	Подлежащее	NOM
Посессор	Зависимое в ИГ или косвенное дополнение	POSS / послелог	Зависимое в ИГ или подлежащее	POSS / NOM

Как можно видеть из табл. 2, пассивный залог образуется от глаголов направленного движения с валентностью на конечную точку. С синтаксической точки зрения участник с ролью конечной точки продвигается в позицию подлежащего на место субъекта движения. При этом происходит семантическое повышение в статусе посессора при конечной точке движения, затронутого событием движения, с возможностью его выражения либо при конечной точке, либо в качестве самостоятельного подлежащего.

Наиболее близкими типологическими параллелями к хантыйской конструкции следует считать дативный аппликатив и адверсативный пассив, ср. [Shibatani, 1994]. При дативном аппликативе и, шире, в конструкциях с подъемом посессора сторонний участник, испытавший на себе воздействие описываемого события, повышается в статусе до аргумента глагола: косвенного, ср. немецкий пример (56), или прямого дополнения, ср. пример из могаукского языка (57).

(56) *Man hat ihm den Arm ge-broch-en.*
 IMPS AUX.3SG он.DAT DEF.M.ACC рука PFV-ломать-PFV
 ‘Ему сломали руку.’ [Shibatani, 2006, p. 242]³

(57) *wa-hi-'sereht-anVhsko*
 PST-он / меня-машина-украсть
 ‘Он украл у меня машину.’ [Mithun, 1984, p. 868]

Повышение посессора в таких конструкциях мотивировано тем, что конечный эффект от действия приходится именно на посессора при объекте, а не на сам объект. Чаще всего объектом оказывается часть тела, как в (56), поскольку посессор в этом случае испытывает максимальное воздействие события. Однако сфера употребления таких конструкций распространяется и на другие посессивные отношения при условии, что одушевленный участник физически вовлечен в событие или затронуты его интересы, ср. [Shibatani, 1994, p. 461–465].

Пассивную конструкцию в хантыйском языке, таким образом, можно анализировать как одновременно повышающую посессор до косвенного дополнения и продвигающего его в позицию подлежащего. Отдельно выразить посессор в позиции косвенного или прямого дополнения неграмматично, ср. (42), повторенный ниже в (58) и (59) соответственно. Следовательно, первая часть преобразования может мыслиться лишь как скрытая.

(58) *aj iki maša-j-en χōši/ *maša-j-en-a*
 мальчик Маша-EP-POSS.2SG к Маша-EP-POSS.2SG-DAT
jōχt-əs
 прийти-PST[3SG]
 ‘Мальчик пришел к Маше.’

(59) **aj iki maša-j-en jōχt-əs / jōχət-s-əλλe*
 Мальчик Маша-EP-POSS.2SG прийти-PST[3SG] / прийти-PST.3SG.SG
 Ожид.: ‘Мальчик посетил Машин дом.’

Более близкие аналоги хантыйского пассива движения – пассив на *-(r)are-* в японском языке и пассив на *-v- / -m-* в эвенском языке. Японский пассив на *-(r)are-*, помимо стандартной пассивизации, также может использоваться в адверсативной функции как конструкция, повышающая затронутый событием посессор

³ Глоссы мои. – Н.М.

прямого объекта, оставляя при этом аккузативное маркирование самого прямого объекта, как показано в (60). Эвенский пассив на *-v- / -m-*, в свою очередь, гораздо более похож на хантыйский, поскольку повышает не только посессора, но и сам прямой объект, меняя исходное аккузативное маркирование на номинативное (61).

(60) *Taroo wa Hanako-ni atama-o nagur-are-ta.*
Таро TOP Ханako-DAT голова-ACC бить-PASS-PST
'Ханako ударил Таро по голове.' [Shibatani, 1994, p. 463]

(61) *Etiken-Ø nugde-du gia-o-j ma-v-ra-n*
старик-NOM медведь-DAT друг-NOM.RPOSS.SG убить-AD-NFUT-3SG
'Медведь убил друга старика.' [Malchukov, 1993, p. 2]

Обе формы сочетаются с интересующим нас классом глаголов движения. При этом эвенский пассив, в отличие от хантыйского, сочетается с глаголами, описывающими не только достижение конечной точки (62), но и движение из начальной точки (63), а также промежуточную фазу движения (64).

(62) *etiken-Ø asi-du nulge-v-re-n*
старик-NOM женщина-DAT ходить-AD-NFUT-3SG
'Женщина подошла внезапно к старику, к его несчастью.' [Malchukov, 1993, p. 10]

(63) *etiken-Ø asij-Ø-i nulge-v-re-n*
старик-NOM женщина-NOM.RPOSS.SG ходить-AD-NFUT-3SG
'Жена старика ушла, к его несчастью.' [Ibid.]

(64) *bi-Ø ŋi-du-vul dali-la girka-v-ra-m*
я-NOM кто-DAT-INDEF.CL близко-LOC ходить-AD-NFUT-1SG
'Кто-то ходит рядом со мной, к моему несчастью.' [Ibid., p. 9]

Сочетаемость японского пассива с глаголами движения отдельно не рассматривается, но, судя по примеру (65), едва ли можно говорить о каких-либо ограничениях.

(65) *Kodomo wa kawaii inn ni jaretsuk-are-ta.*
ребенок TOP милый собака DAT резвиться-PASS-PST
'Милая собака резвилась вокруг ребенка, к его радости.' [Kortlandt, 1992, p. 100]

Общим для японского, эвенского и хантыйского является выражаемый посредством пассивизации смысл неконтролируемого воздействия, а также возможность в чистом виде семантического повышения участника, который морфосинтаксически не является актантом исходного события. Вместе с тем возможности эвенского и японского пассива с точки зрения типов событий и их связи с объектом воздействия оказываются гораздо более широкими.

В целом хантыйский пассив от глаголов направленного движения можно рассматривать как явление, находящееся на пересечении двух функционально-семантических зон: залога и адверсативности. Залог ранжирует участников по семантическим и информационно-структурным свойствам и имеет специальный грамматический механизм пассивизации для продвижения в приоритетную синтаксическую позицию более коммуникативно значимых участников. В свою оче-

редь, адверсативность выявляет участников, в наибольшей степени затронутых событием, и не имеет собственного грамматического механизма, поэтому задействует другие механизмы, такие как подъем посессора в позицию косвенного дополнения в немецком или пассивизацию, как в японском и хантыйском. При этом в японской и эвенской пассивной конструкции она оказывается грамматикализованной и встроенной в значение категории, тогда как в хантыйском она ограничена лишь отдельными лексемами и конструкциями. Хантыйский пассив от глаголов направленного движения, таким образом, можно рассматривать как случай конструкционализации в смысле, описанном в [Traugott, 2015, p. 54], при котором образуется новая конструкция из двух элементов: формального, а именно пассивного залога от глагола движения, и содержательного, а именно неконтролируемого воздействия на одушевленного участника.

Заключение

Как показывает наш анализ, пассивная конструкция с глаголами движения описывает событие достижения некоторым участником конечного пункта движения с позиции другого участника, который является обладателем конечной точки движения и испытывает на себе воздействие этого события. В отличие от стандартного пассива, пассивизация устроена асимметрично в отношении морфосинтаксиса и семантики. В морфосинтаксическом плане повышаемым участником является конечная точка движения, которая формально продвигается в позицию подлежащего. С точки зрения семантики же ключевой фигурой оказывается посессор данной конечной точки, который испытывает на себе конечное воздействие события движения. Формально этот участник либо сохраняет позицию посессора при именной группе конечной точки, либо метонимически замещает ее в позиции субъекта.

Список сокращений

ACC – аккузатив, **AD** – адверсативный пассив, **ADJ** – адъективизатор, **AUX** – вспомогательный глагол, **CL** – клитика, **CVB** – конверб, **DAT** – датив, **DEF** – определенность, **EP** – эпентеза, **FOC** – фокус, **IMPS** – имперсонал, **INDEF** – неопределенность, **LAT** – латив, **LOC** – локатив, **M** – мужской род, **NFUT** – будущее время, **NOM** – номинатив, **NPST** – непрошедшее время, **PASS** – пассив, **PFV** – перфектив, **PL** – множественное число, **PNCT** – пунктив, **POSS** – посессив, **PST** – прошедшее время, **PTCP** – причастие, **R** – рефлексив, **SG** – единственное число, **TOP** – топик

Список литературы

- Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2010. 176 с.
- Кошкарёва Н. Б.* Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири: Сб. ст. / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой, И. В. Октябрьской. Новосибирск, 2002. С. 29–44.
- Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: Гео, 2007. 178 с.

Михайлов С. К. Почему хантыйские имена нуждаются в определенном артикле? // Тез. XV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / Под ред. Д. Ф. Мищенко. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 79–81.

Мырзина Д. Ф. Активная и пассивная конструкции в хантыйском языке // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2005. № 4. С. 95–98.

Соловар В. Н. Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 2. С. 91–98.

Черемисина М. И., Соловар В. Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири: грамматические исследования: Сб. ст. / Отв. ред. Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина. Новосибирск: Наука, 1991. С. 66–84.

Daniel M. Towards a typology of personal locatives. Problem setting // Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT V). Cagliari, September 15–18, 2003.

Filchenko A. Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty // Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology / Eds. P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 115–131.

Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2005. Vol. 11, no. 1. P. 29–40.

Honti L. Chrestomathia ostiatica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p.

Kortlandt F. On the meaning of the Japanese passive // Acta Linguistica Hafniensia. 1992. Vol. 24, no. 1. P. 97–108.

Kulonen U. M. The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989. 332 p.

Malchukov A. L. The syntax and semantics of adversative constructions in Even // GENGO KENKYU (Journal of the Linguistic Society of Japan). 1993. Vol. 103. P. 1–36.

Mithun M. The evolution of noun incorporation // Language. 1984. Vol. 60, no. 4. P. 847–894.

Rakhilina E. V. There and Back: The Case of Russian ‘go’ // GLOSSOS. 2004. Vol. 5. P. 1–33.

Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1994. Vol. 20, no. 1. P. 461–486.

Shibatani M. On the conceptual framework for voice phenomena // Linguistics. 2006. Vol. 44, no. 2. P. 217–269.

Talmy L. Semantic Structures in English and Atsugewi. PhD Diss. Berkeley: University of California, 1972.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language Typology and Syntactic Description / Ed. by T. Shopen. Cambridge Uni. Press, 1985. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. P. 57–149.

Traugott E. C. Toward a coherent account of grammatical constructionalization // Diachronic construction grammar / Eds. J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2015. Vol. 18. P. 51–79.

Virtanen S. Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach. PhD Diss. University of Helsinki, 2015.

References

Cheremisina M. I., Solovar V. N. Zalogovost', perekhodnost', pryamoy ob"ekt v yazykakh raznykh sistem [Voice, transitivity, direct object in different language systems]. In: *Yazyki narodov Sibiri: grammaticheskie issledovaniya: Sb. st.* [E. I. Ubryatova, M. I. Cheremisina]. (Eds in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 1991, pp. 66–84.

Daniel M. Towards a typology of personal locatives. Problem setting. In: *Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT V)*. Cagliari, September 15–18, 2003.

Filchenko A. Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty. In: *Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology*. P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (Eds.). Amsterdam, John Benjamins, 2012, pp. 115–131.

Filchenko A. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2005, vol. 11, no. 1, pp. 29–40.

Honti L. *Chrestomathia ostiatica*. Budapest, Tankönyvkiadó, 1986, 285 p.

Kaksin A. D. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Kazym dialect of Khanty]. 2nd ed. Khanty-Mansiysk: Obsko-Ugorsky Institute for Applied Research and Development, 2010, 176 p.

Kortlandt F. On the meaning of the Japanese passive. *Acta Linguistica Hafniensia*. 1992, vol. 24, no. 1, pp. 97–108.

Koshkareva N. B. Kommunikativnaya paradigma khantyyskogo predlozheniya [A communicative paradigm of Khanty sentence]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri: Sb. st.* [Languages of the indigenous peoples of Siberia: Coll. of arts.]. B. Koshkareva, I. V. Oktyabr'skaya (Eds.), Novosibirsk, 2002, pp. 29–44.

Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Uvty muy ývty: kurs prakticheskoy fonetiki khantyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [Uvty mui uvty: a course of practical phonetics of the Khanty language (Kazym dialect)]. Novosibirsk, Geo, 2007, 178 p.

Kulonen U. M. *The Passive in Ob-Ugrian*. Helsinki, Finno-Ugrian Society, 1989, 332 p.

Malchukov A. L. The syntax and semantics of adversative constructions in Even. *GENGO KENKYU (Journal of the Linguistic Society of Japan)*. 1993, vol. 103, pp. 1–36.

Mikhaylov S. K. Pochemu khantyyskie imena nuzhdayutsya v opredelennom artikle? [Why do Khanty names need a definite article?]. In: *Tez. 15 Konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley (Sankt-Peterburg, 22–24 noyabrya 2018 g.)* [Proc. of 15 Conference on Typology and Grammar for Young Researchers (St. Petersburg, 22-24 November 2018)]. D. F. Mishhenko (Ed.). St. Petersburg, ILS RAS, 2018, pp. 79–81.

Mithun M. The evolution of noun incorporation. *Language*. 1984, vol. 60, no. 4, pp. 847–894.

Mymrina D. F. Aktivnaya i passivnaya konstruktсии v khantyyskom yazyke [Active and passive constructions in Khanty]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2005, no. 4, pp. 95–98.

Rakhilina E. V. There and Back: The Case of Russian 'go'. *GLOSSOS*. 2004, vol. 5, pp. 1–33.

Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1994, vol. 20, no. 1, pp. 461–486.

Shibatani M. On the conceptual framework for voice phenomena. *Linguistics*. 2006, vol. 44, no. 2, pp. 217–269.

Solovar V. N. Statal'nye elementarnye proste predlozheniya s passivnymi formami glagol'nogo skazuemogo v kazymskom dialekte khantyyskogo yazyka [Statal elementary simple sentences with passive verbal predicate forms in Kazym Khanty]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 2, pp. 91–98.

Talmy L. *Semantic Structures in English and Atsugewi*. PhD Diss. Berkeley, University of California, 1972.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: *Language Typology and Syntactic Description*. T. Shopen (Ed.). Cambridge Uni. Press, 1985, vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon, pp. 57–149.

Traugott E. C. Toward a coherent account of grammatical constructionalization. In: *Diachronic construction grammar*. J. Barðdal, E. Smirnova, L. Sommerer, S. Gildea (Eds.). Amsterdam, John Benjamins Publ., 2015, vol. 18, pp. 51–79.

Virtanen S. *Transitivity in Eastern Mansi: An information structural approach*. PhD Diss. University of Helsinki, 2015.

Информация об авторе

Никита Алексеевич Муравьев, кандидат филологических наук

Information about the author

Nikita A. Muravyev, Candidate of Philology

*Статья поступила в редакцию 16.10.2020;
одобрена после рецензирования 07.03.2021; принята к публикации 07.03.2021
The article was submitted 16.10.2020;
approved after reviewing 07.03.2021; accepted for publication 07.03.2021*